

Начало эпохи революций, продолжавшейся почти два века, и одновременно конец эпохи «реформ» были обозначены крушением «старого порядка» во Франции в 1789 г. В связи с этим любопытно, как показывает в своей статье Ф. Минар, что провал многочисленных попыток преобразований во Франции при Старом порядке (с. 224) вытесняет само слово «реформа» из повестки дня правительственного лагеря. С требованием реформ (прежде всего политических) накануне революции выступала уже оппозиция. Это интересный механизм, заслуживающий более подробного рассмотрения: возможно, именно этот переход инициативы в деле преобразований в руки противников существующего порядка и стал причиной того, что череда реформ длиной в столетие завершилась революцией. Подтверждение тому – своего рода «компромиссный» вариант Англии, сумевшей избежать потрясений: термин «реформы» широко употреблялся здесь в публичной сфере, а политические дискуссии имели место и в парламенте, и за его пределами. Под воздействием американской революции с её экономическими последствиями, беспокойств в Ирландии, а затем и французской революции в Англии в последней четверти XVIII в. усилилась дискуссия о необходимости реформ, а требование изменений концентрировалось прежде всего на реформе парламента с целью усиления представительства народа⁵.

Именно здесь лежит ответ на вполне закономерное замечание Д.Н. Копелева о том, что в историографии реформы сводятся к деятельности законодателя, а исследователи, как правило, становятся на точку зрения бюрократии и ограничивают себя соответствующими источниками (с. 358). Логично, что на этом фоне «голоса простых людей» звучат лишь эпизодически: у «простых людей» не было иного инструмента высказывания, кроме бунта и восстания (о чём, в частности, пишут в своей статье «Проект европеизации внешнего облика подданных в России первой половины XVIII в.: замысел и реализация» Е.В. Акельев и Е.Н. Трефилов), а «публичная сфера» в раннее Новое время ещё только оформлялась (в России этот процесс оформления стартовал лишь во второй половине XVIII в.).

В заключение нужно сказать, что завершившаяся в прошлом столетии эпоха революций вроде бы сменилась новой эпохой реформ, но после мировых войн принципиально иными стали их географический охват и технологический уровень. Преобразования конца XX – начала XXI в. вновь вырабатывают свой язык, свои законы, заново формируют реакции общества. Однако реформы раннего Нового времени и в этом контексте остаются некой моделью, позволяющей увидеть закономерности и проследить далеко не прямые пути процесса модернизации.

Дмитрий Лисейцев: Одним росчерком пера: Россия на пути к современным реформам

Рассматриваемый сборник статей содержит много интересных материалов об истории реформ и реформаторства в России и странах Европы XVI–XVIII вв. Однако ценность издания далеко не исчерпывается его фактологическим богатством. Не менее важно то, что опубликованные статьи, в совокупности приобретая компаративистское звучание, выносят на повестку дня ряд важных

⁵ Ibid.

вопросов, на один из которых я хотел бы обратить внимание читателей. На мой взгляд, материалы сборника показывают, насколько осторожно следует подходить к применению термина «реформа» по отношению к российским политическим реалиям XVI–XVII вв. Пытаясь «подогнать» российские процессы под определение, разработанное в более позднее время и для обозначения процессов, характерных для других стран и иного этапа цивилизационного развития, мы неизбежно приходим к выводу о «неполном соответствии» явлений российской истории «классическим образцам», демонстрируемым «передовыми странами». В результате мы получаем рассуждения, например, о «неправильной» бюрократии или о слабо развитых органах сословно-представительской монархии в России XVI–XVII вв.

То же самое в известной степени справедливо и в отношении применимости термина «реформы» для определения процессов, протекавших в России XVI столетия. В отечественной историографии реформами устойчиво именуется меры по организации борьбы с преступностью на местах («губная реформа»), по созданию системы местного самоуправления («земская реформа»). Однако эти реформы, по справедливому замечанию В.А. Аракчеева, имели пролонгированный характер и могли длиться десятилетиями, а также «сопровождались введением отдельных изменений в разные узлы административного механизма, но не демонтажем системы в целом» (с. 27). На аналогичные мысли наводят и рассуждения о «военных реформах» XVI–XVII вв., под которыми обыкновенно подразумеваются формирование стрелецкого войска в середине XVI в. и полков иноземного строя в XVII столетии⁶. Трактую соответствующие преобразования как реформы и сопоставляя их с синхронно протекавшими преобразованиями в европейских странах, мы вынуждены будем постоянно говорить о «специфике российских реформ», которая состоит в их «затяжном характере» и «половинчатости».

Можно ли считать реформой создание приказной системы центрального управления? Многие исследователи именно так и трактуют формирование приказов, относя их возникновение к числу «реформ Избранной рады». Между тем приказам середины XVI в. предшествовал длительный, продолжавшийся около столетия процесс постепенной, эволюционной трансформации государственного строя Московской Руси, а сама приказная система за два столетия своего существования так и не стала чем-то постоянным и неизменным. Её существование в XVI–XVII вв. сопровождалось появлением новых и отмиранием старых приказных учреждений. Эта постоянно менявшаяся, неустойчивая в своих контурах система тем не менее придавала прочность и устойчивость Московскому государству, поскольку эволюционировала вместе с ним, что исключало конфликт между меняющимися политическими и социально-экономическими реалиями, с одной стороны, и заостренными в своей незыблемости государственными органами – с другой. При этом во внутренней эволюции приказного строя можно порой обнаружить отдельные правительственные мероприятия, которые могут быть названы реформами. К их числу следует отнести, в частности, оформление в течение десятилетия (с 1595 по 1605 г.) самостоятельных приказов-четвертей, в целом отделившее процесс сбора податей от других

⁶ Военные реформы XVII в., постепенное «врастание» их результатов в военную организацию Московского царства проанализированы в обсуждаемом сборнике в статье О.А. Курбатова (с. 231–249). См. об этом также: *Малов А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М., 2006.

административных функций (хотя и здесь полного разрыва с прежней традицией не последовало)⁷.

Если в XVI в. процессы, которые мы называем реформами, протекали преимущественно медленно – захватывали целые десятилетия, так и не приобретая всеобъемлющего характера, то следующее столетие в этом плане придаёт России больше сродства с Европой. Во всяком случае, в беспокойном, «бунташном» XVII в. правительство, приступая к преобразовательной деятельности, как кажется, пыталось действовать более решительно (вспомним хотя бы денежную реформу 1654–1663 гг.). Представляется, что причиной тому стали потрясения Смутного времени начала XVII в., со всей очевидностью показавшие, что Московскому царству есть чему учиться у западных соседей. Именно на эту связь Смуты с преобразовательными процессами XVII в. указывал С.Ф. Платонов: «Падение старых общественных устоев, вторжение массы иностранцев в московскую жизнь, междоусобия и связанные с ними “измены” расшатали старое мировоззрение, поколебали прежнюю уверенность в том, что Москва есть богоизбранный народ, “Новый Израиль”, и открыли дорогу сторонним влияниям на русские умы. Во всех мероприятиях новая московская власть стремилась к тому, чтобы вернуться к старому порядку, “как при прежних великих государях бывало”. Однако Смута уже навсегда опрокинула старый порядок и будущая жизнь должна была строиться заново, на сочетании старых основ с новыми элементами»⁸.

Возможно, именно изменение в XVII в. самого характера «реформирования» вызывало столь резкую реакцию общества на перемены. Ведь то, что мы сегодня называем реформой, для многих людей того времени было не эволюционным изменением отдельных сторон окружающей реальности, а крушением всей прежней жизни. Отсюда целая серия народных выступлений, спровоцированных налоговыми и денежными новшествами середины XVII в. Вспомним также, что нововведения в богослужении, инициированные в середине XVII в. патриархом Никоном, сторонники прежних обрядов восприняли едва ли не как «трубный глас», возвещающий о приближении конца света. Впрочем, и в Европе Реформация Церкви вызвала не меньший накал страстей, а по политическим последствиям значительно превзошла Раскол в России.

В результате XVII столетие в нашей стране, если рассматривать его в контексте реформ, оказалось пограничной эпохой, что столь иронично подметил применительно к личности второго царя из династии Романовых В.О. Ключевский: «Царь Алексей Михайлович принял в преобразовательном движении позу, соответствующую такому взгляду на дело: одной ногой он ещё крепко упирался в родную православную старину, а другую уже занёс было за её черту, да так и остался в этом нерешительном переходном положении»⁹. Об этой же «маргинальности» XVII в. в истории России писал другой классик отечественной исторической науки, Н.И. Костомаров: «Московское государство в начале XVII века носило уже в недре своём Россию XVIII века – две противоположности, две крайности: неподвижность старинной буквальности раскола и лёгкое, раблепное увлечение западной иноземщиной высших классов»¹⁰.

⁷ Об этом подробнее см.: *Лисейцев Д.В.* Административно-финансовая реформа правительства Бориса Годунова и оформление четвертных приказов в Московском царстве конца XVI в. // Преподаватель XXI век. 2010. № 4. С. 244–253.

⁸ *Платонов С.Ф.* Москва и Запад в XVI–XVII вв. Л., 1925. С. 63.

⁹ *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 356, 412–413.

¹⁰ *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства начала XVII века. М., 1994. С. 567.

Итак, если к преобразованиям XVI в. понятие «реформа» применимо весьма условно, то XVII столетие демонстрирует нам образцы, более схожие с «реформами» в их «классической», европейской трактовке. Правда, отнюдь не все преобразования XVII в. оказываются удачными (не столько от недостатка энергии и решимости у правительства, сколько от решительного сопротивления переменам народа). Ближе к нашему пониманию термина «реформа», кажется, стоят преобразования Петра I. Инициированные им перемены протекали в сжатый отрезок времени, претендовали на всеобъемлющий характер и зачастую провозглашали (по крайней мере, на бумаге) решительный отход от прежней традиции. Своеобразным символом противоположности друг другу XVII и XVIII столетий может служить судьба двух высших государственных органов: Боярская дума умирала на протяжении долгих лет, а заменивший её Сенат был создан одним росчерком пера царя-реформатора.

Степан Шамин: Сопrotивляясь реформам: общественные отношения и интересы на пути преобразований в России XVII–XVIII вв.¹¹

Тема реформ, которой посвящена обсуждаемая нами книга, относится к числу «вечно актуальных» проблем исторической науки. Ценность издания заключается не только в высоком научном качестве опубликованных в нём статей и дискуссий, но и в том, что книга заставляет задуматься над рядом методологических и конкретно-исторических вопросов. Самый общий из них – о пределах возможного при использовании исторической терминологии, которой не знали современники анализируемых событий. Иначе говоря, можно ли называть «реформами» то, что современники никогда так не называли? Наиболее развёрнуто этот вопрос прозвучал в дискуссии между А.Б. Каменским и М.М. Кромом (с. 174–175). Каменский предложил разделять феномен реформ и понятие «реформа». Если понятие появилось в определённую историческую эпоху, то феномен имеет гораздо более широкие хронологические рамки. Кром же выступил против такого разделения, настаивая на связи явления с породившим его временем. Впрочем, затем он смягчил свою позицию, отметив, что идущая на конференции дискуссия – попытка избежать крайностей модернизации исторических понятий и жёсткого, ригористического отношения к используемым терминам, при котором вообще невозможно никакое сравнение.

На мой взгляд, предложенный Кромом компромисс очень плодотворен для поддержания рабочей атмосферы внутри исторического сообщества, но решить проблему исторической терминологии не помогает, поскольку искомая «золотая середина» каждый раз определяется субъективными взглядами конкретного исследователя или научного коллектива. По моим наблюдениям, степень модернизации используемой исторической терминологии находится в прямой зависимости от хронологических рамок исследования и предполагаемой аудитории книги – чем они шире, тем более обобщённые подходы к терминам автор вынужден использовать. Не меньшее значение имеет и то, какая из сторон исследуемого явления представляется учёному наиболее значимой для анализа.

К примеру, для характеристики термина «газета» в XIX–XX вв. ключевым было понятие «печатный», что и зафиксировано во всех словарных определе-

¹¹ Материал подготовлен при поддержке РГНФ, проект № 14-04-00128а.